

Ещё сто лет?

В своём выступлении на ежегодном симпозиуме руководителей центральных банков в Джексон-Хоул, штат Вайоминг, 23 августа Кристин Лагард, президент ЕЦБ, подвела итоги того, как Европа справлялась с экономическими напряжённостями последних лет. В частности, она спросила себя, как оказалось возможным резко снизить инфляцию, не заплатив пропорционально высокую цену в терминах производства и занятости.

Прежде всего, считает Лагард, свою роль сыграло падение энергетических цен после пика 2022 года, глобальный фактор, который повлиял на издержки предприятий. Но, особенно в Европе, другие элементы имели больший вес.

Диагноз ЕЦБ: меньше зарплаты, больше прибыли

Наиболее актуальный из них касается зарплат. *«Первая отличительная характеристика»* этого цикла по сравнению с другими заключается в том, что *«реальные зарплаты снизились почти на 2 % между концом 2021 и началом 2023 года»*, в то время как их восстановление было отсроченным и лишь частичным. Лагард идёт дальше и спрашивает, какова причина этой аномалии по сравнению с предыдущими циклами: *«В частности, – заявляет она, – автоматическая индексация зарплат на уровень инфляции практически исчезла»*. Если *«в семидесятые годы она охватывала около половины работников частного сектора – в Италии это была “скользящая шкала” – сегодня она применяется лишь к примерно 3 %»*.

Но дело не только в этом. Сама структура контрактов считается одним из виновников неустойчивости зарплат: контракты *«приспосабливаются лишь постепенно, жёсткость номинального уровня обусловила запаздывание в адаптации зарплат по отношению к ценам»*. Нетрудно признать в этом уточнении усугубившуюся в эти годы тенденцию к продлению срока действия контрактов, явление, которое затронуло и Германию, где становится всё меньше традиционных ежегодных контрактов, и растёт доля тех, срок действия которых продлевается до двух, если не более лет. В Италии стандартный срок – четыре года. В периоды высокой инфляции ущерб от отсутствия адаптации очевиден.

Столь же очевидна, однако, и выгода для предприятий, как замечает Лагард: *«Эта запоздалая реакция реальных зарплат действовала как амортизатор [...] смягчала давление на удельную стоимость труда и поддерживала рентабельность предприятий»*.

Если мы хотим извлечь мораль из всего этого, так это то, что если занятость удержалась на уровнях лучше ожидаемых, то потому, что за это сокращением своих реальных зарплат заплатили, как и прежде, работники.

Другой элемент, рассмотренный Лагард в своём анализе, заключается в том, что увеличению числа занятых соответствовало снижение средних часов работы, сравнимое в Европе с 1,3 миллионами рабочих мест с полным рабочим днём.

Здесь также подействовал тип подхода к пандемии, который Лагард определяет как *«накопление рабочей силы»*, то есть выбор многих европейских предпринимателей сохранять работников в штате, перед лицом пандемического кризиса сначала и кризиса энергетических цен потом, считая *«накопление персонала менее затратным и рискованным по сравнению с последующим перенаймом на ещё более конкурентном рынке»*.

“Ключевая роль” иммигрантов

Нехватка рабочей силы – это стратегический аспект, отмеченный Лагард, которая высказывает следующую мысль: *«Уже хотя бы по демографическим данным, способность Европы расширять своё предложение труда ограничена»*. С 2002 года число людей старше 60 лет увеличилось на 28 миллионов, тогда как в возрасте от 15 до 60 лет оно сократилось на 2,4 миллиона и ещё на 2,8 миллиона в сегменте младшего возраста. Будущие трудовые пополнения должны будут заполнять всё больше пробелов: женщины и пожилые – это категории, к которым следует проявлять внимание в вопросе увеличения занятости. Но *«ещё более важно, – предупреждает Лагард, – увеличение как числа, так и уровня участия иностранных работников»*. На сегодняшний день ситуация такова: иммигранты, которые составляют лишь около 9 % европейской рабочей силы, *«обеспечили половину вклада в её рост за последние три года»*. Это имеет немедленный экономический эффект: без их вклада, например, *«в Германии ВВП был бы примерно на 6 % ниже по сравнению с 2019 годом»*.

К этому акцентированию «ключевой роли» миграции, однако, присоединяется обеспокоенность тем, что политические факторы давления *«могут всё больше ограничивать приток»*. Тогда же, в августе, в Германии вспоминали десятилетие *«Wir schaffen das»*, или «мы справимся» – так Ангела Меркель 31 августа 2015 года назвала линию своего правительства перед лицом волны прибывающих мигрантов.

“Wir schaffen das” десять лет спустя

Тогда речь шла о приёме сирийских беженцев, бегущих от войны, но миграционный феномен имел и имеет стратегическое измерение, с этой точки зрения его и следует рассматривать. Институт исследований занятости при Федеральном агентстве труда Германии подготовил анализ данных о мигрантах, прибывших десять лет назад (*Handelsblatt*, 26 августа): 64 % из них сегодня имеют работу по найму – этот уровень ненамного ниже 70 % общего среднего по Германии. Но беженец того времени, занятый сегодня полный рабочий день, получает зарплату, равную 70 % от средней: зарплатная сегрегация также имеет европейское измерение.

Именно эти различия заставляют некоторых экономистов говорить, что, хотя в целом *«мы справились»*, уровень интеграции всё ещё остаётся недостаточным. Например, Ларс Фельд, директор Института Вальтера Ойкена и в прошлом один из “пяти мудрецов” немецкой экономики, жалеет об увеличении продолжительности бюрократических процедур, что *«тормозит интеграцию на рынке труда»*: с 7 месяцев, необходимых в 2016 году, срок дошёл до 13 в первой половине 2025 года (*Handelsblatt*, 2 сентября).

Вывод, который из этого делается, однако, не в том, что нужно повернуть назад, давая пространство расистским и ксенофобным кампаниям, но в том, чтобы более активно смотреть вперёд, на тенденции будущего. Марсель Фратцшер, директор Немецкого института экономических исследований (DIW), заявляет, что *«в целом нам это удалось»*, напоминая, что в прошлом году иностранцы создали стоимость в 500 миллиардов евро, а только иностранцы, появившиеся в экономике с 2015 года, в отдельности — около 240 миллиардов. Следовательно, экономить на пособиях для беженцев означало бы *«наступить на свои же грабли, замедляя интеграцию»*: *«Было бы честно со стороны политиков заявлять, что из-за демографии нам понадобится гораздо больше иммиграции в ближайшие 10–20 лет»* (*Handelsblatt*, 29 августа).

Экономическая педагогика и политическая борьба

Это та педагогика, которую экономисты предлагают политикам с целью противостоять антимигрантскому «нарративу», чей *«экономический ущерб огромен»*. Это верно как для Германии, так и везде за её пределами, включая Италию, где ассоциация предпринимателей Unioncamere прогнозирует, что пятая часть наймов в следующее пятилетие должна будет приходиться на работников-иммигрантов, среди которых более половины составляют квалифицированные (*Il Sole-24 Ore*, 4 сентября).

Расслоение наёмных работников обречено расти: такой составной класс требует качественного профсоюзного ответа, но в то же время и интернационалистической политической борьбы ленинистов.

Сентябрь 2025 г.